

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Антэдип Ракамье. Инцестуальность изнутри, или Диверсия Нарцисса против Эдипа

В. Р. Ичеткина

Ичеткина Вероника Робертовна – психолог, психоаналитически ориентированный терапевт, журналист.

Отношения с матерью закладывают фундамент психического функционирования человека. Но не всегда эти отношения складываются благополучно. И один из патологических сценариев – симбиотические отношения слияния, окрашенные тонами инцестуальности.

О пагубности затянувшихся отношений слияния между матерью и ребенком написано немало работ выдающихся психоаналитиков. В предлагаемой статье рассмотрена концепция инцестуальности и нарциссического соблазнения Поль-Клода Ракамье и связанного с ней феномена Антэдипа – так Ракамье назвал примитивный, архаичный, характеризующийся игнорированием различий и границ, антиконфликтностью и парадоксальностью уровень отношений с первичным объектом.

В работе представлено развитие идей Ракамье, дан сравнительный анализ Антэдипа и Эдипа, проведенный французским психоаналитиком в его последней прижизненной книге «L'inceste et l'incestuel» («Инцест и инцестуальное»). Кроме того, впервые сделан перевод написанного Ракамье в качестве «прелюдии и развлечения» текста «Миф об Антэдипе» (по аналогии с мифом об Эдипе). «Миф» образно описывает все основные составляющие этого феномена – отрицание происхождения и фантазм-не-фантазм о самопорождении, антиконфликтность, парадоксальность, замалчивание истины, слияние с первичным объектом, изгнание третьего. Перевод с иллюстрациями сделан по изданию 1980 года от Petite Bibliothèque Payot. Ключевые слова: Поль-Клод Ракамье, Антэдип, инцестуальность, нарциссическое соблазнение, фантазм-не-фантазм, самопорождение, миф об Антэдипе.

Концепцию Антэдипа как примитивной, архаичной (или даже доархаичной) стадии в отношениях индивида с первичным объектом (прежде всего с матерью) Поль-Клод Ракамье впервые упомянул в книге «*Les schizophrènes*» («Шизофреники») 1980 года. До этого в ряде статей, по замечанию самого автора, он использовал словосочетание «шизофренический Эдип» или «Эдип шизофреников». Эту специфическую структуру французский психоаналитик выявил в ходе работы с шизофреническими пациентами, обратив внимание на то, как часто отношения таких психических больных с их матерями заражены симбиотическим слиянием, инцестуозностью и специфическим соблазнением. Его Ракамье определяет как нарциссическое соблазнение.

«Шизофренический Эдип – это не столько вторжение в самые примитивные слои Эдипа, сколько выход за пределы эдиповой ткани; инстанция Я в таком случае открывается горизонтам настолько далеким, что они упраздняются. Я предлагаю назвать Антэдипом эту оригинальную и специфическую организацию», – пишет Ракамье (*Racamier*, 1980, p. 135).

Рассуждая о том, как он пришел к термину «Антэдип», Ракамье не исключил влияния работы «Эрос и Антерос» Дениз Брауншвейг и Мишеля Фэна¹ (1971), в которой Эрос, олицетворяющий любовные либидинальные отношения, противопоставлен Антеросу, имеющему нарциссическую природу. В древнегреческой мифологии Антерос – бог-антагонист Эроса, отрицающий любовь, насмехающийся над любовными чувствами и покровительствующий ненависти, вызванной любовью. Важно и то, что, согласно древнегреческим представлениям, Эрос не может развиваться и расти без Антероса.

В 1980 году, впервые описывая концепцию Антэдипа, Ракамье отмечает, что эта специфическая организация одновременно и доэдипова, и антиэдипова: *ante* (до-) потому, что занимает позицию до Эдипа, на уровне, где актуализируются вопросы поколений, происхождения; и *anti* (противо-, анти-) потому, что радикально противостоит тревогам, присущим Эдипу. Однако со временем он пересматривает этот подход, и в работе 1995 года мы видим такое пояснение: «Мне не хотелось бы, чтобы Антэдипа считали простым противником Эдипа, приравнивали бы его к пред-Эдипу или ультрараннему Эдипу. Антэдип не является ни *anti*, ни *ante*. В худшем случае они вступают в противоборство, но именно отношения взаимодополняемости для них наиболее естественны» (*Racamier*, 2021, p. 17).

Психоаналитик подчеркивает, что Антэдип не является просто прегенитальной стадией, сверххранним предшественником эдипова комплекса, потому что уходит значительно глубже. В одной из работ он сравнивает дистанцию между Антэдипом и пред-Эдипом с дистанцией

¹ Примечательным пересечением является и то, что для Брауншвейг и Фэна, авторов концепции цензуры любовницы, предметом исследовательского интереса, как и для Ракамье, была в том числе тема ранних отношений ребенка и матери.

между пренатальным и догенитальным периодами развития. Антэдип, по словам Ракамье, будет не просто регрессией, а чем-то совершенно иным – «одним словом, это трансгрессия» (термин, в философии обозначающий феномен перехода границы возможного. – Прим. авт.) (Racamier, 1980, p. 138).

Антэдип, по мнению аналитика, проявляет себя в результате нарушения невротических защит Я – как защитное бегство от конфликтности. Собственно, антиконфликтность, по Ракамье, и является одной из характеристик Антэдипа.

Эдипальные конфликты разыгрываются в пределах сцены, очерченной дифференциацией полов и первосценой, и не выпадают за эти границы. Антэдип же (или шизофренический Эдип) выпадает за эти рамки, не признавая ни разницы полов (и даже поколений), ни происхождения в результате первосцены. Антэдип устанавливает перевернутый треугольник, в котором субъект, находясь в инцестуально-нарциссических отношениях соблазнения с матерью, занимает и свое место, и место своего отца, а исключенная фигура отца принимает вид абстрактного «прародителя». Таким образом, как изящно отметил Ракамье, *Нарцисс (нарциссическое соблазнение матерью) устраивает диверсию против Эдипа (эдипальной триангуляции).*

Эдип и Антэдип: лицом к лицу

В работе «L'inceste et l'incestuel» Ракамье проводит своего рода «очную ставку» Эдипа и Антэдипа, сравнивая эти два явления психической жизни по таким параметрам, как конфликтующие силы, персонажи конфликта, заложенная в нем двойственность, энергии, запреты, внутренние организаторы и конфигураторы, преимущественные функции и соответствующие области тела, судьбы и наследие (Racamier, 2021, p. 18–28).

Так, эдипов **конфликт** возникает в отношениях с обоими родителями в генитальном регистре сексуальности: в классической версии это любовь к родителю противоположного пола, ненависть к родителю своего пола. Антэдипальный конфликт же Ракамье называет «конфликтом истоков», который противопоставляет друг другу силы, направленные на нарциссическое слияние с «первичной матерью», и силы, направленные на сепарацию, а затем на автономию. В отличие от эдипального конфликта, антэдипальный не может развернуться (и тем более разрешиться) без активного участия взрослого партнера – матери.

Говоря о **персонажах** изучаемых конфликтов, Ракамье напоминает, что в Эдипе их трое – отец, мать и ребенок (как исключенный из первосцены). Антэдип же сокращает число участников до двух или даже одного. Двое – это ребенок и мать, один – это мать, вобравшая в себя ребенка. Эта конфигурация несет в себе образ отца только в виде «прародителя», как наследие предыдущих поколений (Минасян, 2018).

Эдип устанавливает **табу** на инцест, в Антэдипе природа табу и самого его существование менее ясны. Запрет, вводимый Антэдипом, Ракамье

определяет как «запрет, который препятствует смешению индивидов и поколений, табу на недифференцированность индивидов» (*Racamier*, 2021, р. 20). Это табу запрещает смешение индивидов, полов и поколений, тем самым устанавливая организующую необходимость первичного горя, указывает аналитик.

Эдипальный комплекс **организован** вокруг страха кастрации, именно он формирует в психике запрет на инцест и побуждает сексуальное влечение находить объекты, отличные от инцестуозных. В свою очередь Антэдип организуется вокруг *первичного горя*, того, «благодаря чему с первых дней жизни и до самой смерти субъект, движимый ростом, развивается, отходит от слияния, основанного на силах нарциссического соблазна, и таким образом обращается к обещанной ему индивидуализации» (*Racamier*, 2021, р. 21). Субъект может получить это, только потеряв что-то – такова суть первичного горя – речь идет именно о внутренней потере, понесенной изнутри, а не просто навязанной внешними обстоятельствами. Именно благодаря первичному горю устанавливается разница между Я и другим. Это открытие, оплаченное ценой потери, не позволит субъекту вернуться к недифференцированности.

И в Эдипе, и в Антэдипе, по замечанию Ракамье, заложена **двойственность**. В случае Эдипа речь идет о психической бисексуальности (*bisexualité*), которая позволяет индивиду вбирать в себя идентификации от обоих родителей. И хотя половая идентичность определяется анатомически, «все же ее необходимо выбрать психически», при этом по общему закону избирается идентичность с родителем своего пола, а гетеросексуальный потенциал (идентификации с родителем противоположного пола), дополняя основные идентификации, остается скрытым.

Антэдипальную же двойственность можно определить как ту, при которой присутствуют и находятся во взаимных отношениях смешения по крайней мере два поколения. Такое положение Ракамье назвал *bigenerie* (бигенерационность/бигенеративность или бигенерация – в одном из переводов (Минасян, 2018)). По его замечанию, «вы никто, пока вы не узнаете своего происхождения, пока не узнаете поколение, которое было до вас, и не выберете свое собственное» (*Racamier*, 2021, р. 22).

Как и любой конфликт, Эдип заряжен **энергией**, и это сексуальная энергия, которой соответствуют известные **эрогенные зоны**. В Антэдипе такой энергией, движущей силой являются силы самосохранения, определяющие рост тела и психическое развитие, при этом специфические антэдипальные зоны более диффузны, и одной из важных является кожа, «она обтягивает, она отделяет, ее функция – дифференцирующая». Ракамье указывает на тесную взаимосвязь границ тела, представленных кожей, и границ психики, отсылая к работе Дидье Анзье «Я-кожа». При этом он отмечает, что граница – не только то, что окружает, но и то, через что внутреннее соприкасается с внешним. Подобно тому как тело опирается на свои опоры (и таким образом чувствует, что существует), так и психика знает свои пределы (и таким образом также чувствует, что существует). «Нет души и нет тела без очертаний, только они являются гарантиями идентичности», – отмечает Ракамье (*Racamier*, 2021, р. 23).

Эдип **конфигурируется** фантазмом в его классическом понимании. Овладение родителем противоположного пола, первосцена, кастрация – основные эдипальные фантазмы. Антэдип же конфигурируется не собственно фантазмом, а тем, что Ракамье называет «*фантазм-не-фантазм*» – нечто в психической жизни, что занимает место фантазма, не обладая всеми его чертами (не связывается с другими фантазмами, не разворачивается по характерному для фантазмов сценарию). Главный фантазм-не-фантазм Антэдипа – это *фантазия о самопроисхождении, самопорождении*. Этот грандиозный фантазм основан на сущностном отрицании происхождения, что отражается и в специфике объектов, по сути своей психотических. При этом он идет рука об руку с фантазмом о самовырождении, который выступает для первого своего рода контрапунктом. Эти две фундаментальные фантазии, по словам Ракамье, вытекают из двойного принципа выживания и уничтожения.

Говоря о негативных **судьбах** Эдипа, Ракамье упоминает о неврозе как о неудаче Эдипа и психозе как наиболее серьезном осложнении провалившегося Эдипа. В отношении же Антэдипа речь идет о разрушении, насилии, всемогуществе и гибели. «Зарождение и распад, связанные друг с другом и доведенные до белого каления, в итоге оставляют психику обескровленной и подавленной: шизофрения стучится в дверь сырого Антэдипа, который я предпочитаю называть *яростным*», – описывает Ракамье (Racamier, 2021, p. 25).

Есть и позитивный, *умеренный сценарий развития Антэдипа*, который подразумевает постепенное установление идентичности Я и мысли о происхождении, появление не только нарциссических, но и объектных инвестиций, подготавливает фантазмы – все это вскоре позволит Эдипу прочно утвердиться.

«Яростный» вариант Антэдипа имеет нарциссическую природу, а умеренному, напротив, свойственна необходимая для развития двойственность. При этом в «яростном» (и фатальном по своему исходу) Антэдипе субъект желает быть единоличным автором своей жизни, тогда как в умеренном варианте он видит себя и переживает себя соавтором – вместе со своими родителями. Только хорошо темперированный Антэдип, по замечанию Ракамье, позволяет индивиду чувствовать себя наделенным жизнью, которая является его собственной, при этом являясь плодом совместного производства его родителей и его самого, а также результатом плодотворного союза между объектным и нарциссическим либидо, между либидо и агрессивностью.

И Антэдип, и Эдип возникают, разворачиваются, организуются, а затем затихают, оставляя свое **наследие**, которое впредь станет частью свойств психики. Наследник эдипова комплекса – Сверх-Я – выполняет двойную функцию, не только запрещая, но и защищая. Известно, что, например, у шизофреников Сверх-Я значительно ослаблено или отсутствует. Наследником Антэдипа Ракамье называет идею о Я, равно как и идею о другом – идею о том, что «я просто человек среди других, но я – один из них». И эти установки – продукт совместной работы с родительскими

объектами (в случае умеренного Антэдипа), также выполняющие двойную функцию ограничения и защиты.

Ракамье подчеркивает, что «жизнь психики основывается на всегда сложном согласии между полюсами Эдипа и Антэдипа», добавляя при этом, что «Эдип необходим, но его недостаточно» (*Racamier*, 2021, p. 27). По его утверждению, спутником Антэдипа является Эдип, и естественная судьба (умеренного) Антэдипа – это Эдип, который устанавливает связь субъекта с имаго двух родителей и вводит первосцену. Но верно и обратное: Эдип не был бы жизнеспособен, если бы Антэдип не был организован таким образом. Первосцена, по его словам, становится терпимой для субъекта только в том случае, если Антэдип достаточно подготовлен и является достаточной поддержкой: «Эдип без Антэдипа стал бы ужасом».

Ракамье настаивает, что Антэдип не является анти-Эдипом, хотя в своей яростной версии он противостоит приходу Эдипа; не является он и пред-Эдипом, хотя в своей смягченной версии и готовит пришествие Эдипа. Их отношения он предлагает рассматривать как взаимодополняемость. Важно отметить, что если не соблюдается табу на смешение индивидов (барьер Антэдипа), то не будет соблюдаться и табу на инцест (барьер Эдипа) – и результатом станет инцестуальность.

Элементы Антэдипа

Нарциссическое соблазнение. В работе «*Le génie des origines: psychanalyse et psychoses*» (которую можно перевести как «Дух истоков» или «Дух происхождения») Ракамье пишет, что, хотя традиционно соблазнение – это «привилегия, зарезервированная за невротиками», оно имеет место и в отношениях психотиков, но есть два различия: в его интенсивности, которая ярко проявляется в контрпереносе; и в его природе – не сексуальной, а нарциссической. Фактически Ракамье говорит о присущем «яростному» Антэдипу *нарциссическом соблазнении*. Такого рода соблазнение исходит от матери субъекта с ранних его лет и, если вовремя не угасает, приводит к психозу. Однако и ребенок – участник этого процесса, он желает быть и соблазнителем, и соблазненным (*Racamier*, 1992, p. 126).

Функция нарциссического соблазнения состоит в том, чтобы отвлечь одного или обоих участников этого процесса от объектов, а также связанных с ними либидинальных импульсов, желаний и тревог. Мать желает, чтобы ребенок оставался частью ее самой, физически и психологически, и чтобы они оба образовывали всемогущий организм, игнорирующий присутствие другого, отрицающий внешний закон и все другие силы. «Материнская фантазия о происхождении является партеногенетической: это фантазия о возвращении к истокам. Нарциссически соблазненный ребенок должен быть таким, как если бы не был порожден: репрезентация отца и пола отца исключена (и речь тут не о вытеснении), инвестиции ребенка остаются по существу нарциссическими», – объясняет свое видение Ракамье (*Racamier*, 1992, p. 129).

Отношения нарциссического соблазнения позволяют матери избежать Эдипа, амбивалентности и чувства одиночества, потери и горевания, которые обычно приходят с развитием ребенка в сторону сепарации и автономии. Но и ребенок находит плюсы в таком взаимодействии: оно удовлетворяет его всемогущество, делает невосприимчивым к возникновению антинарциссических влечений, уберегает от тревог Эдипа и кастрации и, наконец, гарантирует, что, будучи неотъемлемой частью матери, ребенок никогда ее не потеряет. Но цена этому – потеря собственной идентичности. У такого ребенка нет фантазии о возвращении в материнское лоно: невозможно фантазировать о том, что уже имеется, и возвращаться туда, откуда не уходил. Становится невозможным сформировать психический конфликт автономии и слияния с объектом, и уж тем более становится недоступным эдипальный конфликт. «Для личности лучше иметь конфликты, пусть и не уметь их разрешить, чем не иметь сформированных конфликтов вовсе», – приходит к выводу Ракамье (*Racamier, 1992*).

Особым свойством отношений нарциссического соблазнения является его инверсивность, двунаправленность: субъект органически включен в объект, который органически включен в субъект, и друг без друга они погибнут. Эти отношения отрицают происхождение, историю, истоки. Важным является и то, что, нарциссически соблазняя, мать делает ребенка своей вещью, собственностью, в психической организации матери за ребенком закреплены устойчивые функции. У обоих участников этих отношений не может быть объектных желаний, и сами они не могут быть объектом желаний. По словам Ракамье, «речь идет об иссушении фантазматических репрезентантов влечений в другом, чтобы изгнать их и из себя» (*Racamier, 1992, p. 130*).

Нарциссическое соблазнение, отрицая разницу между полами, поколениями и индивидами, преграждает путь к сепарации, автономии, психическому росту ребенка. Его специфика в том, что оно в сущности «борется с сексуальностью, как со своим самым сокровенным врагом». Одной из его целей является сведение к нулю напряжений, характерных для влечений и желаний, избегание либидинальных желаний.

Указывая на асимметричность отношений нарциссического соблазнения (участники которых изначально обладают разным потенциалом инициативы и зрелости), Ракамье постулирует: инцест начинается с нарциссических отношений прежде, чем они станут сексуальными. Любой инцест – это захват, и этот захват по своей сути нарциссичен, добавляет автор (*Racamier, 2021*). Таким образом, он подчеркивает, что инцест не является составляющей Эдипа. «Инцест есть инцест, и это не Эдип; это даже совсем наоборот», – заявляет он (*Racamier, 1992, p. 132*).

Ракамье разделяет нарциссическое соблазнение на открытое и закрытое. Открытый тип – конечный, он необходим на определенном этапе (то самое естественное для матери и младенца первичное слияние), но затем должен уступить место постепенному разделению, сопровождаемому необходимым для психического роста ребенка гореванием, и в итоге такой тип разрешится, слившись с формирующимся Я ребенка, идентичность которого будет питать. Остатки этого первичного нарциссического

соблазнения осядут, как ил, в Я обоих участников этой «пары», вплетутся в ткань психики. А со временем, когда ребенок вырастет, это позволит проявиться его зрелой сексуальности.

Закрытый же тип, по мнению Ракамье, бесконечен по своей природе, он приводит к развитию Антэдипа в его патологической версии и может приводить к *инцесту*, который становится последним средством против любого разделения, последним ресурсом нарциссического соблазнения, позволяющим сохранить себя. Ракамье подчеркивает, что инцест используется для нарциссического соблазнения, которое само по себе является абьюзивным: сексуальное насилие является лишь следствием нарциссического насилия – второе довершает первое (*Racamier, 2021, p. 36*). В этом контексте он подчеркивает: «Ничего так не дисквалифицирует человека, как бесконечное нарциссическое соблазнение».

Инцестуальность. Ракамье указывает на то, что инцест не всегда означает прямой генитальный акт, у него могут быть эквиваленты, для которых он вводит понятие *инцестуальности*. Так, по мнению аналитика, если здоровая версия Антэдипа становится фундаментом для психического развития, то его паталогическая версия в конце концов становится насилием. «Насилие – основа инцестуальности, это насилие против развития психологической жизни, насилие над личностью, насилие над семьей», – говорит Ракамье (*Racamier, 2021, p. 28*).

Инцестуальным будет то, что в индивидуальной и семейной психической жизни несет в себе отпечаток нефантазмированного инцеста, даже если он не реализован физически. Такого рода отношения часто встречаются в шизофрении, в психотических семьях и, в более общем плане, в замкнутых семьях. Они проявляют себя в действиях, кажущихся банальными, обыденными, но в своей неприкосновенности, «неизреченности», сокровенности они кажутся нерушимыми, окруженные репрезентативной пустотой в психике субъектов, поскольку не связываются какой-либо мыслью, фантазией или мечтанием.

Инцестуальный контекст выдает себя тем, что чрезмерно инвестирован обеими сторонами, при этом характеризуется тайной, скрытностью, чем-то невысказанным – здесь преобладают отрицание и расщепление, но не вытеснение. Он не проявляется с первого взгляда, «обнаруживаясь лишь в деталях, он вызывает у наблюдателей тонкий и специфический дискомфорт, он словно сочится». При чем тень, отбрасываемая инцестом и инцестуальным, распространяется на целые семьи и поколения, считает Ракамье.

«Возникает весьма специфический феномен: мы видим, что каждый знает или ощущает часть истины; но об этом фрагменте не говорят, он остается изолированным, поистине фрагментарным. Об этом нельзя думать, нельзя говорить, нельзя пытаться связывать обнаруженные фрагменты и, следовательно, воссоздавать загадку истины, чтобы посмотреть ей в лицо. И эта тайна будет сохраняться любой ценой», – пишет французский психоаналитик (*Racamier, 1992, p. 138–139*). Еще одной специфической чертой инцестуальности является то, что она отвергает работу горя и покрывает «амальгированную», сплавленную депрессивность.

Ракамье отмечает насильственность инцестуальности, она «мучает, ампутирует и разделяет, глубоко атакует личность, ее тело и психику, автономию, идентичность, жизненные потребности и желания». Инцестуальность словно пропитана сексом, но при этом направлена на гашение желаний и удовольствий.

Автор иллюстрирует перспективу от прямого инцеста к инцестуальности в виде концентрических кругов. В эпицентре этой фигуры собственно инцест, где встречаются двое – насильник и жертва, по мере отдаления от центра стираются следы преступления, травма тускнеет, но так никогда по-настоящему не исцеляется. А на внешнем круге «возникает совсем другая организация: вместо агрессора и жертвы здесь два сообщника, которые сходятся, и оба находят свое в этих инцестуальных отношениях». Ракамье делает важный вывод: *инцест в одном поколении вызывает инцестуальность в следующих поколениях* (Racamier, 2021, p. 32).

Для инцеста и инцестуальности характерна *дисквалификация* личности – ее обесценивают, не признают, в ней заставляют усомниться. Это посягает на нарциссические права личности и таким образом фрустрирует. Дисквалификация затрагивает такие сферы психической жизни, как способность к фантазматической проработке, способность желать, в том числе желать объект, и желать желание объекта, право на удовольствие и право отказать себе в удовлетворении желания. Дисквалифицируются целостность Я, интимность мыслей, мышление, перспективы психической организации; дисквалифицируются Эдип, нарциссизм субъекта, собственно его тело и его психика.

«Но что превыше всего – происходит дисквалификация истины, радикально отрицается как право на истину, так и право на тайну, – и тому, и другому препятствует навязывание недосказанного. Жертва инцеста становится психически искаленной: она больше не может доверять своим влечениям, желаниям, фантазиям, мыслям, своим имаго и своему телу. Дискредитация, налагаемая на опыт инцеста требованием агрессора и состоящая в невысказанности, – это суть отрицание истины, которое распространяется на всю семью – причем не только на ту, в которой произошел инцест, но и на следующие поколения», – пишет Ракамье (Racamier, 2021, p. 39).

Фантазм-не-фантазм. В своем сравнительном анализе Эдипа и Антэдипа Ракамье говорит о такой свойственной для последнего конструкции, как *фантазм-не-фантазм*. Эта конструкция занимает место фантазма, но не только не обладает его свойствами, но и не допускает появления в психике собственно эдипальных фантазмов. По словам Ракамье, это «нечто, что не является ни истиной, ни реальностью, ни бредом, ни фантазией, ни сном» (Racamier, 1992, p. 139).

Фантазм в структуре Эдипа – это психический объект, представляющий собой воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное) (Лапланш, Понталис, 1996). Психические объекты в Антэдипе иной природы, они не имеют ни того же содержания, ни той же природы, ни той же «субстанции», что фантазмы. Ракамье призывает не

воспринимать фантазм-не-фантазм Антэди́па как предшественника эдипальных фантазмов.

Содержание фантазма-не-фантазма касается темы истоков, темы самопорождения, зачатия, а также сопровождающей их темы разъединения, вырождения. Тут Ракамье говорит о двойном принципе выживания и уничтожения, проводя аналогию с парой удовольствие и реальность. Поясняя суть двойного принципа «выживания – уничтожения», Ракамье указывает, что первая часть пары – принцип выживания – управляет прежде всего импульсами Я. Он стоит ближе всего к нарциссической потребности, задействует энергию сохранения, мобилизует защитные силы жизненно важного характера, которые сохраняются в том числе при психозах и других тяжелых случаях. На самом деле принцип выживания даже важнее принципа удовольствия, уверен Ракамье, потому как прежде, чем наслаждаться, субъекту необходимо выжить. Противоположный и дополняющий его принцип уничтожения аналитик сравнивает с состоянием нирваны, что роднит его с описанием инстинкта смерти по Фрейд.

Суть фантазий антэдипального субъекта о самопорождении состоит в идее о порождении субъектом собственных родителей и собственных предков, в конечном счете «положение Антэди́па имеет тенденцию слиться с положением Бога», отмечает Ракамье, говоря, что для такого субъекта весь мир является его порождением (*Racamier, 1992, p. 144*). Такая «операция» самопорождения-самовырождения, по замечанию Ракамье, задействует огромный потенциал мании величия (и иллюзии всемогущества).

Ракамье поэтически описывает фантазм о самопорождении: «Самопорождение не разворачивается так, как это может сделать настоящий фантазм: оно навязывает себя, оно не выдается вперед, не движется, оно не знает ни производных, ни связей, ни сетей, потому что оно упраздняет начала; оно не исходит из вытеснения, потому что это прежде всего дитя отрицания; оно не обязано оставаться в рамках психики и избегает ее с самой ошеломляющей легкостью; насколько мало оно сформулировано, настолько сильно оно передано; Антэди́п ниоткуда не приходит, но он великий путешественник. Наконец, сколь мало он позволяет проникнуть в себя, столь же он сам проникает повсюду. Именно по этой причине "продукты" Антэди́па обнаруживаются лишь косвенно, через их последствия» (*Racamier, 1992, p. 145*).

Ракамье особо подчеркивает, что антэдипальный фантазм о самопорождении не означает автономии. «Мы не становимся более автономными из-за того, что создали самих себя. Но фантазм самопорождения упраздняет источник других фантазмов. Никакой генезис и мышление более невозможны в душе тех, кто не хочет иметь ничего общего с фактом бытия, а также с различием между полами, поколениями и индивидами», – говорит автор (*Racamier, 1980, p. 139*).

Парадоксальность. Одним из свойств антэдипальной, психотической по своей сути организации является парадоксальность. Она касается прежде всего отношений с объектами, в том числе первичными. Так, для участников антэдипальной конфигурации характерна парадоксальная коммуникация, которая является не столько одной из техник контроля,

сколько механизмом, действующим на более глубоком нарциссическом уровне, своего рода «узлом, в котором задушено Я другого» (Racamier, 1980, p. 146). Парадокс в его злокачественной версии сводит с ума человека, на которого он направлен, тот становится неспособен реагировать как ментально, так и эмоционально.

Определение парадокса по Ракамье таково: это психологическое образование, которое неразрывно связывает две непримиримые, но не противоположные друг другу позиции или предписания и отсылает их друг к другу. Аналитик в качестве примера парадокса приводит иллюстрацию: мать дарит своему сыну два галстука – красный и зеленый. Довольный, он надевает зеленый. «Как тебе мог не понравиться красный галстук, который я тебе подарила?» – негодует мать. Он надевает другой – та же самая реакция. Тогда он надевает оба сразу. И мать восклицает: «Ты определенно не в своем уме, сын мой!»

Ракамье отдает должное непсихоаналитическому труду группы американских исследователей из Пало-Альто (в нее вошли Грегори Бейтсон, Дон Д. Джексон, Джей Хейли, Джон Х. Уикленд) «К теории шизофрении» (Bateson et al., 1956), в которой вводится понятие *double bind* (двойное послание). Этот паттерн парадоксальной коммуникации состоит в том, что индивид получает два непримиримых предписания, так что невозможно подчиниться одному, не послушавшись другого. Причем эти предписания сформулированы на разных уровнях, так что их несовместимость остается невербализованной. К тому же вводится дополнительный запрет на восприятие таких посланий как парадокса или уклонение от него, так что «жертва» никак не может от него избавиться.

Также Ракамье указывает на *антиконфликтность* и *антиамбивалентность* антэдипальной организации, в которой важнейшая задача Я – изгнать конфликт из психики, стереть его как внутреннюю реальность. И хотя автор в своих научных трудах напрямую не увязывает с Антэдипом эти две последние характеристики (но увязывает их со смежными инцестуальностью и психотичностью), они упомянуты им в «Мифе об Антэдипе» – художественном тексте, которым Ракамье начинает книгу «Les schizophrènes».

По замечанию Минасян (Минасян, 2018), часть коллег во французских психоаналитических кругах приняли описываемые тут концепции Ракамье скептически, критикуя в том числе оттенки беллетристики в его трудах на эту тему, примером которой, вероятно, можно считать и «Миф». Однако автор этой статьи находит «Миф» изящным литературным упражнением, емко и точно описывающим суть Антэди́па, и предлагает ознакомиться с его содержанием.

Миф об Антэдипе

В издании «Les schizophrènes» 1980 года Ракамье в качестве «прелюдии и развлечения» приводит несколько своих эссе и рассказов, которые в том числе переплетаются с историями персонажей древнегреческих мифов.

Они аллегорически передают основные смыслы идей автора о психотической структуре личности.

Особняком стоит полностью выдуманный «каким-то старым, немного сумасшедшим рассказчиком» (так Ракамье иронически указывает на собственное авторство) «миф об Антэдипе» – по аналогии с мифом об Эдипе (Racatier, 1980, p. 21–26). «Миф» образно описывает все основные составляющие Антэдипа – отрицание происхождения и фантазм-нефантазм о самопорождении, антиконфликтность, парадоксальность, замалчивание истины, слияние с первичным объектом, изгнание третьего. Французский аналитик завершает свою историю хэппи-эндом, то есть установлением границ и инаковости другого, – так, как должен завершаться «умеренный» Антэдип. Ниже приводится специально переведенный для этой статьи текст «Мифа» – с иллюстрациями из издания 1980 года от *Petite Bibliothèque Payot*.

Антэдип был родом из таинственного царства около Фессалии, куда чужеземцам вход был запрещен. Что касается новостей, которые оттуда доходили, то они были по большей части непонятными. Но самая большая загадка этого царства была связана с происхождением самого Антэдипа.

Однажды прорицатель сделал предсказание о происхождении ребенка и его великой, но трагической судьбе. Он также предсказал несчастье, если правда станет известна, поэтому его заставили замолчать и скрыться. Опасаясь, что правда все же выйдет наружу, совет царства во главе с царицей, матерью Антэдипа, утвердил драконовский закон, который требовал, чтобы никакая правда, независимо от ее природы и масштаба, никогда не признавалась таковой. Подчинившись этому закону, большинство жителей страны принялись выражать свои мысли самыми абсурдными способами. Что касается остальных, то они молчали – либо потому, что в такой атмосфере от малейшей правды у них кружилась голова, либо потому, что они не овладели умственным приемом, которому, однако, учат в школах и с помощью которого истинное превращается в абсурдное и наоборот.

Возвращаясь к Антэдипу, следует отметить, что, по слухам, он был рожден от Зевса. Как и Олимпия, мать Александра Македонского, мать Антэдипа любила подтверждать эти слухи. Однако было неясно, скрывает ли эта версия какую-то совершенно иную истину или, наоборот, с помощью высшей маскировки она говорит правду только для того, чтобы создать впечатление, что это ложь. Происхождение Антэдипа было тем более сложным, что его мать, по слухам, была одной из оккультных дочерей Зевса.

Обстоятельства его зачатия были не менее туманными. Говорили, что Зевс превратился в маленького ребенка, чтобы оплодотворить мать Антэдипа. Другая версия была еще страннее. Один глаз матери превратился в источник, и Зевс соединился с ним, превратившись в дождь. Дело

в том, что у матери Антэдина был только один глаз, а в окрестностях дворца находился огромный источник, который считался Оком оплодотворения. Этот источник обладал свойством не отражать ни предметы, ни людей. В нем никогда не отражался ни один образ, напротив, он безвозвратно засасывал и пожирал каждого, кто в него заглядывал. Поговаривали, что те, кого он засасывал в свое ложное зеркало, оказывались в чистилище и блуждали там пустой оболочкой. Единственным человеком, избежавшим этой участи, был сам Антэдип, который часто приходил взглянуть в Око священного источника, ибо только он мог, на мгновение исчезнув, вернуться оттуда, окутанный экстазом.

В этом государстве был и царь, который являлся официальным отцом Антэдина, но фактически он не правил. На самом деле он был презираемым изгнанником, который постоянно вел войны и пировал на окраинах государства, а ополченцы и подданные страны должны были отгонять его всякий раз, когда он приближался.

Чужеземцы, которых также приходилось отгонять, были сбиты с толку этим странным царем в изгнании, который действовал только на отдаленных окраинах.

Антэдип и его мать правили вместе, и никогда не было ясно, кто из них обладает большей властью или даже кто из них кто. Они следили за тем, чтобы между ними, равно как и между подданными, никогда не возникало конфликтов. Это был один из основных законов государства, в котором все было разрешено, если только соблюдалось это непреложное правило. Тех, кто нарушал его и признавал конфликт, ждало неминуемое наказание – лишение личности, лишение гражданского существования, изгнание и смерть. Конечно, призрачное состояние, в котором пребывали подданные, запрещало им заниматься какой-либо деятельностью, поэтому жители царства «много потели и мало работали».

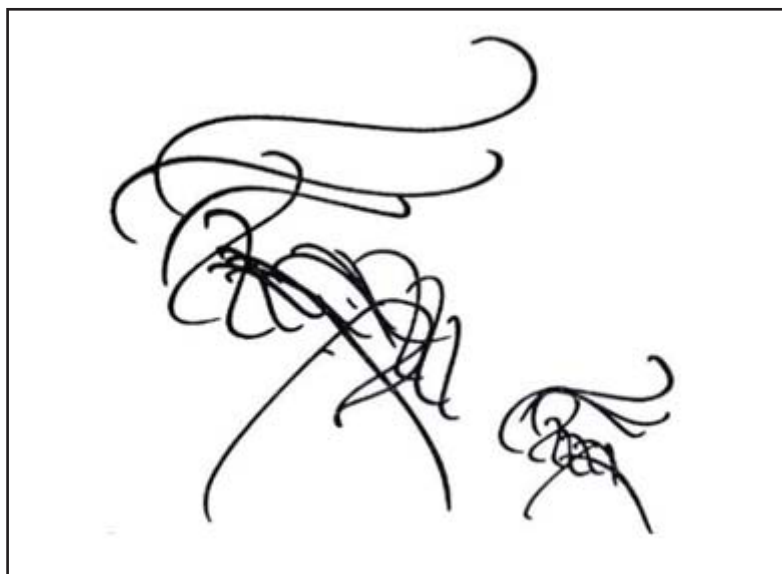

Рисунок 1.

В любом случае это не имело значения, ведь в стране, где часы в привычном их понимании существовали только как диковинка (никто даже не знал, для чего они когда-то использовались), давно было упразднено всякое понятие о времени.

К счастью, один человек работал за всех: в своих странствиях по источнику – Оку – Антэдип, похоже, руководил великими делами и невероятными завоеваниями. Описания его подвигов вывешивали у ворот дворца и на углах всех улиц. И это были истины, которые не были замаскированы, несомненно, потому, что они оставались невысказанными.

Однажды, когда Антэдип в своих завоеваниях, как всегда достойных Александра Македонского, не успел отойти далеко от границ мира, случилось нечто неожиданное. Прорицатель, которого считали исчезнувшим, вернулся в царство. То, что он предсказал, стало известно²: Антэдипу было суждено родиться от самого себя. Он должен был стать своим прародителем. Но ему пришлось бы всегда игнорировать это. Он остался бы цел и невредим, а вместе с ним и его мать, только при двух условиях: он проигнорирует тайну своего происхождения и откроет секрет взаимозаменяемости существ. При этом условии его величие было бы безграничным.

Эти откровения имели поразительные последствия. Источник у дворца снова стал отражать образы на своей поверхности и уже никого не поглощал. Мать Антэдипа восстановила свой глаз, но потеряла свою всемогущую силу. В царстве Антэдипа стало меньше безумия, но в нем

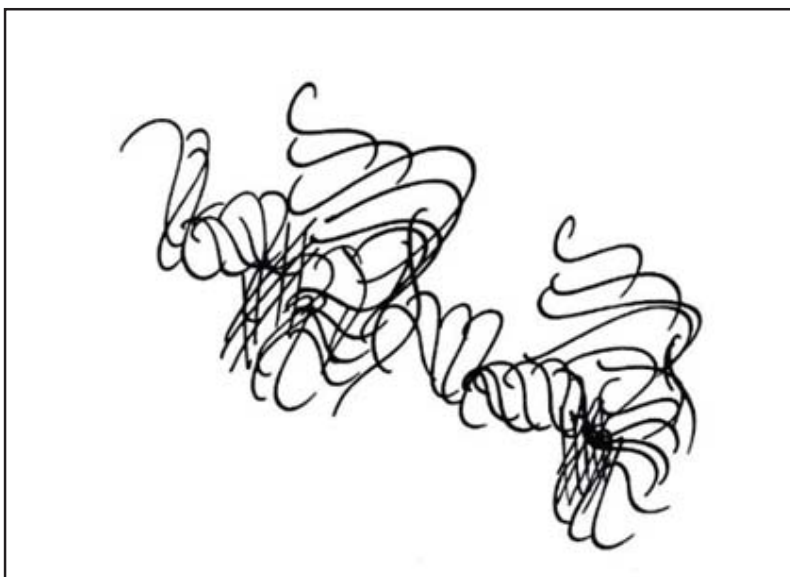

Рисунок 2.

² С помощью этого приема Ракамье изображает, как «изречение неизрекаемого» (того, о чем в антэди-пальной конфигурации нельзя говорить и думать) разрушает оковы Антэдипа, устанавливая – через проживание первичного горя – границы и дифференциацию, необходимые для развития субъекта и его сепарации.

чувствовалось что-то похожее на печаль. Царь вернулся в свое государство. Зевс, как обычно, ничего не сказал.

Некоторые люди, проходившие мимо источника – Ока, когда он снова начал отражать образы, утверждали, что видели, как Антэдип вышел из своего кокона, словно куколка, и тут же превратился в сверчка...³

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лапланиш Ж., Понталис Ж. Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 751 с.
2. *Минасян И. Р.* Концепция инцестуозности П.-К. Ракамье и ее применение в современном психоанализе // Сайт Московской группы психоаналитиков. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgpsy.ru/kontseptsiya-intsestuoynosti> (дата обращения: 19.02.2024).
3. *Bateson G. et al.* (1956). Toward a theory of schizophrenia. Behavioral Science. Vol. 1. No 4. P. 251–264.
4. *Braunschweig D. & Fain M.* (1971). Éros et Anteros. Paris: Petite Bibliothèque Payot.
5. *Racamier P.-C.* (1980). Les schizophrènes. Paris: Petite Bibliothèque Payot. 207 p.
6. *Racamier P.-C.* (1992). Le génie des origines: psychanalyse et psychose. Paris: Payot. 412 p.
7. *Racamier P.-C.* (2021). L'inceste et l'incestuel. Paris: Dunod. 174 p.

³ Далее вступительная глава в «Les schizophrènes» продолжается эссе Ракамье о парадоксальности.

Antoedipus by Racamier. Incestuality from within, or Narcissus's Sabotage against Oedipus

V. R. Ichetkina

Ichetkina Veronika R., MPsych (Higher School of Economics), psychologist, psychoanalytic psychotherapist, journalist.

Relationship with mother is the most important relationship in every person's life, laying the foundation for their entire mental functioning. Unfortunately, these relationships do not always work out well. One of the pathological scenarios is a symbiotic fusion relationship, colored by tones of incestuousness.

Many works by prominent psychoanalysts have been written and translated about the perniciousness of the protracted fusion relationship between mother and child. The author of this paper has focused her attention on only one concept on this topic, a concept not often mentioned in Russian psychoanalytic literature, but undoubtedly worthy of recognition and careful study. This is Paul-Claude Racamier's concept of incestuality and narcissistic seduction and the related phenomenon of Antoedipus – as Racamier called the primitive, archaic, characterized by ignoring differences and boundaries, anti-conflict and paradoxical level of relationship with the object, primarily the mother-child relationship.

*The work provides a development of Racamier's ideas and a comparative analysis of Antoedipus and Oedipus by the psychoanalyst from his latest book *L'inceste et l'incestuel*. In addition, a translation of the “myth of Antoedipus” (analogous to the myth of Oedipus), written by Racamier as a “prelude and entertainment” is presented for the first time. “Myth” figuratively describes all the main components of this phenomenon – denial of origin and the phantasm-non-phantasm of self-generation, anti-conflict, paradox, silencing of truth, fusion with the primary object, exile of the third. The translation with illustrations is based on the 1980 edition by Petite Bibliothèque Payot.*

Keywords: Paul-Claude Racamier, Antoedipus, incestuality, narcissistic seduction, phantasm-non-phantasm, self-generation, the myth of Antoedipus.